

Григорий (Геня) Щирин – коренной бакинец, писатель, кандидат технических наук, изобретатель, один из организаторов первых бакинских команд КВН.

Ныне живёт в городе Сан Хосе, Калифорния.

Известный бард Александр Городницкий назвал его «американцем с бакинским акцентом».

ГЕНЯ ЩИРИН

Творческая биография с «уклоном на Баку и КВН»

Именно так попросил меня написать Марат Шафиев, мой добрый бакинский знакомый. Вначале я смутился, не зная, что это за уклон, и что мне за это будет – неужели опять за уклонистов взялись, но быстро понял, что иной биографии у меня, собственно, и не было никогда. Впрочем, есть другая: инженерно-техническая, включающая институт, аспирантуру, кандидатскую, работу в крупнейших американских компаниях, но и она не без «уклона на Баку и КВН».

Читать и писать я научился рано, и первой писательско-редакторской работой стал еженедельный листок стенгазеты нашего 5-го А класса 160-й школы. Внизу гордо стояло: редактор – Геня Щирин, художник – Женя Ветров. Общественно-политические взгляды моих статей и Жениных рисунков мало отличались от всех других. Мне очень хотелось сделать что-то другое, ну, хотя бы вырезать наш листок в форме круга, в отличие от всех стандартно-прямоугольных. Но Женя Ветров мое инакомыслие категорически отверг и сумел отстоять консервативную позицию нашего органа.

К тому времени в нашей исторически мужской школе уже появились девочки, и в моей литературной деятельности явно образовался период застоя, ограниченный эпистолярным жанром любовных записочек. Творческая же моя энергия перелилась в школьный драмкружок, в котором мне довелось сыграть молодого Ульянова. Об этом – в рассказе «Черные туфли для Ленина». Я с благодарностью вспоминаю все, что мне дал наш школьный драмкружок: умение держаться на сцене, понимать и чувствовать слово и звук. Там я впервые встретился и надолго познакомился с Юликом Гусманом, тоже активным драмкружковцем нашей 160-й, хотя он был чуть старше.

Ну, а с первых курсов института началась эпидемия КВН. Телевидение, прямые трансляции, «перерывы по техническим причинам», шутки, шепотки – «а вы поняли, что он имел в виду?» Проводились внутри- и межфакультетские соревнования. Почему-то все тексты писались исключительно (стихами это не назовешь) в рифму. Наш АЗИНефтехим был лидером среди зарождавшегося общегородского движения. Тут надо отметить, что мы с Юликом долго уговаривали друг друга. Он тянул меня и моих институтских друзей к нему в оперативный отряд ЦК комсомола, а я его, Мишу и их друзей-оперативников – в КВН. По-моему, мы оба до сих пор довольны правильным решением. Каким?

Круг внутригородских соревнований, финал первенства Баку «АЗИНефтехим – СКБ Нефтехимприбор». И вот она, уже ставшая легендарной, команда «Парни из Баку». После первой победы в сезоне КВН-67/68 я поступил в аспирантуру и занялся диссертацией. Работа над научными статьями тоже внесла свой вклад в «писательский стиль». Помню, как мой научный руководитель Давид Исаакович Вигдоров зачеркивал длинные хвосты моих предложений, приговаривая: «Геня, сколько раз я вам говорил – пишите короче, вы не Лев Толстой».

Но похоже, что вирус КВН, вызывающий неизлечимый зуд к творчеству, крепко засел в моем организме. К тому же в стране появился большой спрос на юмор. В начале 70-х Юлик вместе с Ярославом Головановым и Юрой Ростом организовали в «Комсомольской правде» страничку КВН, в составе сборной которой (читай, одним из основных авторов) был и ваш покорный слуга.

Вместе с Юликом и мы с Ромой Газом вошли в состав постоянных авторов ТеМ-БРа (Театр Миниатюр Бакинского Рабочего). Туда нас пригласил начальник отдела сатиры и фельетонов Саша Эберлин. Я с гордостью носил в кармане красную книжечку удостоверения внештатного корреспондента печатного органа ЦК КП Азербайджана. Иногда книжечка активно помогала в дискуссиях с работниками ГАИ.

И пошло-поехало. Мы писали слова песен для ансамбля ГАЯ, тексты для спектаклей, один мой рассказ напечатала «Литературная газета». Но одновременно я умудрялся продолжать научную работу в АЗИНефтехиме, защитил диссертацию и стал одним из соискателей Госпремии Азербайджана по науке и технике вместе с нашим ректором Исмаилом Алиевичем Ибрагимовым. Про него мой рассказ «Если бы Сталин любил КВН».

Красное удостоверение пришлось сдать Эберлину перед отъездом в Америку, а через год он сдал и свое. Мы снова встретились, уже в Нью-Йорке, где Саша до сих пор редактирует газету «Нью-Йорк – Нью-Йорк».

В Америке мое писательское «творчество» началось с сочинения резюме и заявлений о приеме на работу, но на другом языке – английском. Понадобилось года два, чтобы по-настоящему вернуться к инженерной деятельности, еще лет пять, чтобы встать на ноги, переехать в Силиконовую долину, купить дом.

И снова рецидив старого вируса. В то время в Калифорнии начали выпускать (хватило на 2 года) глянцевого журнала «На Здоровье!» – универсального типа: мол, читайте на здоровье, готовьте на здоровье, отдыхайте на здоровье и т.п. Стал вести там страничку юмора. Оттуда рассказ «Brita».

А когда я повзрослел настолько, что перестал работать, как инженер, в полную силу, то взялся за писательское творчество всерьез. Так получилась первая книжка «Прогулки с курицей», потом вторая – «Лунная радуга», а сейчас и третья – «Прогулки с курицей и без».

Надо сказать, что многие из моих историй – по сути, устные рассказы. А вдохновил меня на издание первой книжки этих рассказов Александр Моисеевич Городницкий, которому очень нравилось их слушать, он даже предложил название – «Американец с бакинским акцентом». Ведь вирус КВН, как известно, неизлечим. Так я начал делать презентации в форме авторских концертов. Мои выступления успешно прошли в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Хайфе...

А теперь – с трепетом, спустя 30 лет, собираюсь в Баку.

Проверим, действительно ли остался акцент.

Открытки моего дедушки

Одним из увлечений моего детства было собирание почтовых марок. Во-первых, модно, во-вторых – это было, пожалуй, единственным ненаказуемым способом прикоснуться к чему-то, напечатанному за границей. Интересно сравнить давно не слышанное русское «за границей, за рубежом» с американским abroad – широкое пространство.

Так вот, узнав о моих филателистических увлечениях, бабушка Женя предложила мне снять с какой-то старой открытки американскую марку. Этих открыток у бабушки оказалось много – так у меня в обменном фонде появились марки с портретом Джорджа Вашингтона стоимостью в 2 цента. Тогда я и узнал, что эти открытки мой дедушка посылал моей бабушке и моему семилетнему папе в 1924 году во время своей 145-дневной командировки в Америку. Бабушка уверяла, что он посылал ей по открытке в день, но мне кажется, что она преувеличивала. Время шло, ушла бабушка, и с ней ушли навсегда буфет, ломберный столик, 40 томов энциклопедии Брокгауза и Ефрона и главное – память об этой поездке, но осталась пара серебряных ложек и 92 цветные открытки, которые удивительным образом вместе со мной вернулись обратно в Америку. О них я и хочу рассказать.

На скромной могиле моего дедушки Гриши в Баку стоит гордое: «инженер-механик». По-видимому, инженеров, получивших два высших образования, в начале прошлого века было немного. У меня есть фото 1926 года: шофер везет дедушку на работу на государственном автомобиле.

Как дедушка попал в Америку, я выяснил совсем недавно. Хотя Америка признала Советскую Россию только в 1933 году, но нефть есть нефть, и сотрудничество между американскими и советскими нефтяниками началось намного раньше. История российской нефти, а начиналась она с бакинской, очень познавательна. Могу порекомендовать книгу «Oil of Russia», написанную выдающимся бакинцем Вагимом Алекперовым, миллиардером, одним из десяти богатейших людей России, президентом и совладельцем компании «ЛукОйл». Там есть немало интересных фактов и историй, и мне тоже придется сделать небольшой экскурс в историю, прежде чем мы вернемся к открыткам.

Нефть, вместе с прочими природными ресурсами, была национализирована декретом Ленина в 1918 году. Сразу же после установления советской власти в Азербайджане в 1920 году Ленин поставил во главе объединения «Азнефть» Александра Павловича Серебровского, профессионального революционера, члена РСДРП с 1903 года. Это был человек талантливый – и как инженер-механик (в 1908 году, находясь в эмиграции в Бельгии, он окончил техническое училище), и как руководитель-антрепренер. Нефтяные дела на бакинских промыслах и в целом на Кавказе стали налаживаться. Увеличилась добыча нефти и производство нефтепродуктов, в 1921 году восстановили керосинопровод Баку-Батуми. Компания Royal Dutch Shell начала покупать бакинский керосин и продавать его на Дальний Восток. Введенная в те годы новая экономическая политика (НЭП) стала приносить первые плоды. Была создана советско-американская компания Амторг. Тут и расцвел в полную силу талант Серебровского. В июле 1924 года он высадился в Нью-Йорке, встретился с руководителями Standard Oil и даже получил приглашение к Джону Рокфеллеру на обед. Ему удалось расположить к себе нефтяного короля Америки. В своих воспоминаниях один из сотрудников Рокфеллера писал, что его магнат обратил внимание на нефтяное пятно на ботинке директора «Азнефти». Был подписан ряд соглашений, получены соответствующие гарантии и займы, и Серебровский вызвал в Америку небольшую группу специалистов из Баку. В их числе оказался и мой дед, с которым Серебровский дружил.

А теперь вернемся к открыткам. Все открытки начинались словами: «Дорогие Женечка и Вовик!» и кончались фразой: «Целую крепко, Гриша». Буду эти фразы для краткости опускать. Вот первая: Лондон, 12 сент. 1924 года. «Ждем виз. 24-го –

пароход в Америку. Связались с Серебровским, надо будет ехать прямо в Тулзу, Оклахома». В Тулзе, начиная с 1923 года, регулярно проводилась International Petroleum Exposition; в 1924 там впервые была представлена «Азнефть». Потом Серебровский с командой, как гости Standard Oil, проехали почти по всем промыслам и нефтеперерабатывающим заводам Америки по маршруту: Оклахома – Луизиана – Калифорния (Лос-Анджелес и Лонг-Бич) – Вайоминг – Чикаго – Питтсбург – Нью-Йорк.

Дедушка действительно посылал открытки из каждого города, иногда и по двести. Помню, как я смотрел на них мальчишкой, когда все эти названия городов мало что значили для меня, и самым вождленным было отмотать и отклеить двухцентровую американскую марку. Теперь-то я уже стал вчитываться в текст и сравнивать панорамы сегодняшние, особенно виденные мной вживую, с фотографиями 90-летней давности. Вот открытка: корабль, на котором дед плыл в Америку из Лондона и обратно – «Олимпик». Как выяснилось, их было три – похожих, как близнецы, лайнера, построенных в начале 20 века: «Олимпик», «Британик» и «Титаник». Про «Титаник» знают все, «Британик» подорвался на немецкой мине в 1916 и тоже затонул, а «Олимпик» проплавал аж до старости, до 1934-го. Или открытка из Чикаго: знаменитая чикагская Water Tower – одно из немногих зданий в городе, оставшихся после грандиозного пожара 1871 года. А рядом – фото сегодняшнего дня. Удивительно, что мало изменился один из моих любимых районов Нью-Йорка – Little Italy. Вот Mott Street 90 лет назад и сегодня. Интересна и обратная сторона открытки: «Вчера был в опере, слушал концерт Шляпина. Хотя он немного потерял голос, но величествен по-прежнему». Уникальный вид на знаменитый нью-йоркский Woodworth Building, неоготический небоскреб, построенный в 1913 году – самое высокое в то время здание в мире. Рядом с ним в 1973 году выросли знаменитые башни-близнецы, исчезнувшие после ужаса 11 сентября 2001 года. Кстати, в Woodworth Building в прошлом году было продано самое дорогое condo в истории Америки – 100 млн. долларов! Есть и несколько открыток из ставшей теперь такой родной Калифорнии. Из Long Beach: «Здесь так хорошо и красиво... чувствую себя на 30 лет моложе».

В середине февраля 1925 года вся команда вернулась в Баку. Я еще застал кое-какие вещи, привезенные дедушкой. Даже спустя 30 лет они вызывали удивление и восхищение. Но главным результатом этой поездки была полная модернизация нефтяной промышленности на Кавказе. Появились металлические вышки, первые электроприводные станки-качалки, заменившие примитивные черпалки, сократились затраты, увеличилась добыча нефти, которая с 1928 года стала основным продуктом советского экспорта, обойдя традиционную пшеницу. В Баку появились поселки, дома и коттеджи для нефтяников, построенные по типу американских; тогда же при «Азнефти» была создана футбольная команда, впоследствии знаменитый «Нефтчи». «Красный Рокфеллер», как называли Серебровского, внедрял не только технологии, но и, по возможности, американский стиль менеджмента. Но в Союзе инициатива была всегда наказуема. В трагическом 37-м Серебровского арестовали и в 38-м расстреляли как врага народа. Дедушке «повезло» – он умер в 32-м.

Некоторые послания в открытках дедушка писал для моего маленького папы печатными буквами. Вот одна из них: «Дорогой Вовик, учись хорошо. Если будешь хорошо учиться, то ты тоже, когда вырастешь, поедешь в Америку. Целую крепко. Папа». По иронии судьбы так и случилось. Удивительно и то, что Вагит Алекперов родился в Баку, в поселке Разина, первый кирпич в строительство которого заложил после возвращения из Америки А.П.Серебровский.

Розовая чача

Эта история, в отличие от других, будет довольно длинной, поскольку состоит из нескольких мини-историй. А начать я хочу с события, имевшего место за несколько лет до того, как мы собрались ехать в Америку. В то «застойное» время об отъезде мы и не думали.

Обычная командировка в Москву с очередным отчётом, но самолет, который должен был вылетать вечером, задержали по какой-то причине до утра. Возвращаться домой не имело смысла, тем более, что я встретил давнего знакомого, который летел тем же рейсом. Он был со своим приятелем, и мы решили скоротать ночь за дружеской беседой втроём. И что самое приятное, у этого третьего, его звали Мурад, оказалась литровая бутылка чачи – самогона – из розы. В Баку и вообще на Кавказе популярно варенье из розы, а вот самогон из розы пришлось попробовать впервые. То есть, что значит – попробовать: к утру мы просто выпили весь этот литр, закусывая небольшим бутербродом, который предусмотрительная Женя дала мне с собой.

В процессе задушевного разговора я узнал, что Мурад, переводчик-арабист, подписал двухлетний контракт на работу в Афганистане, а теперь летит в Москву откупиться: сил больше нет никаких, хотя осталось всего шесть месяцев. Врезалось в память его упоминание о самом безопасном месте в доме – под окном. Ни нож, ни пуля не страшны. (Возможно, этот совет пригодится американским солдатам и сегодня). Утром мы влезли в самолёт уже очень близкими друзьями.

Это приключение имело два последствия: одно, как говорится, *short term*, другое – *long term*. В результате первого (прошу прощения за физиологические подробности) всё, что выделял мой организм в последующие четыре дня, непривычно, а потому жутковато, пахло розой. Причём, если вначале был резкий запах эссенции, то потом – чистое благоухание. О втором последствии – чуть позже.

Начались события 1988-89-х годов, и я твёрдо решил **свалить**. Женя готова была ехать хоть завтра, а вот мои родители колебались. Мама – ведущий хирург-онколог, папа тоже работал. И когда я пришел к ним на последний «едете или не едете» разговор, мама заявила: «Мы едем, но три условия. Мы должны взять с собой бабушкин браслет (был такой у мамы, из платины, с красивой жемчужиной – сейчас он у старшей дочери Софы в Лос-Анджелесе), ручную швейную машинку «Кайзер», купленную другой бабушкой в 1914 году (машинка там же, где и браслет), и дедушкино любимое кресло (ценности не имеет, но, сидя именно в нём, я пишу эти строчки). «Хорошо, – сказал я, – обещаю». Сказал, не имея ни малейшего понятия, как это сделать. Тогда важнее всего было получить согласие родителей.

Не знаю, как сейчас, но в те годы можно было отправлять контейнеры с багажом прямым рейсом из Баку в Америку. Ехали в неизвестное и брали всё, что можно. Большая часть того, что привозили, никому и никогда в Америке не пригодилась. Мы как-то устроили эмигрантский вечер воспоминаний «20 лет спустя»: конкурс на самую ненужную вещь, которую привезли в Америку и ни разу ею не воспользовались. Первый приз получила известный зубной врач за огромный моток резинки для трусов. Сейчас смешно, а тогда на мне висела казавшаяся очень важной задача: достать контейнеры, организовать их погрузку, таможенную и отправку. Отправку всего – включая браслет, швейную машинку и дедушкино кресло.

Магазинов, где продавались контейнеры, не существовало, и я поехал к моему

другу Кямалу Алышеву, директору радиозавода. Кямал – один из первых, кому я сказал об отъезде. Он был искренне рад за меня. «Чем могу помочь?» – спросил он. «Контейнеры надо бы...», – робко начал я. Кямал тут же снял с полки увесистый каталог. Завод выпускал здоровенные терминалы для ЭВМ, и перед отправкой их упаковывали в контейнеры. Они были очень большие, пожалуй, два дивана влезли бы без труда. «Такой подойдёт?» – спросил Кямал. «То, что надо!» «Сколько сделать?» На всякий случай я сказал: «Три». И стал свидетелем второй мини-истории.

Дзынь! Входит секретарша. «Начальника столярного цеха ко мне, срочно!» Через считанные минуты в дверях кабинета в глубоком поклоне появился начальник цеха. «Иди сюда, Мамедов. Ты такой контейнер можешь сделать? Три штуки. Срочно!» «Конечно, Кямал Рамазанович, для вас – всё, что скажете». «Не для меня, для него *(показывает на меня)*. Эти контейнеры, Мамедов, поедут в Америку! Понимаешь? Впервые – сделанное на нашем заводе будет в Америке! Учти это, Мамедов, и запомни: когда будет готово, я приду и проведу рукой по дереву. Вот так. Видишь? И если мне попадёт хоть одна заноза, Мамедов, клянусь, я тебя лично в этом ящике похороню! Понял? Иди!»

Всё было сделано по первому разряду и в кратчайший срок, но увидел я контейнеры значительно позже. Держать этих мастодонтов было негде, и по договорённости с Кямалом они ждали на заводе дня, когда нам будет предписано явиться с вещами на таможеню для упаковки багажа. Вернее – явиться следовало накануне. Контейнеры полагалось привезти на день раньше, чтобы таможня убедилась, что ни внутри досок, ни в щелях никаких незаконных вложений нет.

И вот в день «Д» мы (я, Женя с парой подруг и Софа с парой друзей) на нескольких машинах, гружёных баулами, чемоданами, ящиками, швейной машинкой и дедушкиным креслом, появились на таможене. Браслет лежал в кармане, и я понятия не имел, как смогу выполнить обещание, данное маме. Тут мы и увидели этих трёх деревянных богатырей. Отшлифованные полуторадюймовые доски, никелированные болты – просто произведение искусства.

Однако удивило и обрадовало другое. Нас встречала команда таможенников в составе офицера и двух солдат, и в офицере я узнал Мурада. Того самого Мурада, с которым мы ухайдокали в ту памятную ночь в аэропорту литр розового самогона. Мурад тоже узнал меня, но, как и я, виду не подал, а попросил выйти с ним в другую комнату. Он закрыл дверь, мы обнялись. Мурад рассказал, что ему удалось аннулировать контракт и вернуться в Баку. Насчёт моих планов он всё понял и так, без объяснений, и спросил, что я хочу вывезти. Я честно сказал про кресло, швейную машинку, браслет, дюжину ложек и небольшую коллекцию старинных медных монет, доставшуюся мне от бабушки. Там ничего ценного, на мой взгляд, не было – ну, может, российский пятак 18-го века. Тем удивительней было, когда Мурад сказал, что пропустит всё, кроме монет. «Насчёт браслета подожди. Я дам знать, когда можно класть», – добавил он. Совершенно счастливый, я не стал возражать, мы вернулись в зал и начали укладывать вещи в контейнеры.

Не буду описывать подробности. На затаривание ушло хороших полдня. Машинка и кресло уже лежали во втором закрытом и запломбированном ящике, когда Мурад объявил перерыв на 15 минут, подмигнул мне и ушёл с обоими солдатами. Тут же в контейнер нырнули ложки и браслет, буквально сами собой.

Когда третий ящик был закрыт и запломбирован, мы с Мурадом снова вышли в отдельную комнату, выпили по паре рюмок коньяка, который я предусмотрительно

захватил с собой, и пожали друг другу руки. От денег Мурад отказался и предупредил, что есть вероятность, что перед погрузкой на корабль контейнеры могут проверить ещё раз, и тогда мы можем оба погореть. По этому поводу мы снова выпили – за удачу. Больше я этого замечательного парня не видел никогда. Спасибо ему огромное. Багаж ушёл, но история на этом не заканчивается.

Обычная по тем временам дорога в Америку через Австрию и Италию заняла примерно полтора месяца, и когда мы прилетели в Нью-Джерси, оказалось, что багаж уже прибыл. Прямо по адресу – в дом моей сестры Наны. Но не весь: третьего ящика с ложками и браслетом не было. Решили немного подождать. Возникло подозрение, что таможня знала, где браслет, и конечно же... Для протокола добавлю, что цена этому браслету – может, тысяча долларов, не больше, то есть не сокровище российской короны, но, как говорится, во-первых, своё, а во-вторых – sentimental value. Мы с сестрой начали активные поиски, а моя дорогая сестричка – человек пробивной. И таки нашли. Вернее, выяснили, что контейнер находится на складе не востребовавшего багажа в Нью-Йорке. На берегу Гудзона расположены склады (их хорошо видно, когда едешь по Бруклин-Квинс экспресс), и в одном из них должен быть наш ящик. Надо приехать и найти его среди многих других, присланных из Советского Союза. Мы с Наной туда помчались.

А теперь – финал.

То, что мы увидели, никогда в жизни не забуду. До сих пор жалею, что не взял фотоаппарат, ибо описать такое эмоциональное зрелище непрофессиональному художнику непросто. Во всю стометровую длину склада в несколько рядов лежал отправленный эмигрантами багаж. Картонные коробки от холодильников и телевизоров, неумело сколоченные фанерные контейнеры, самодельные деревянные ящики и разное прочее. Некоторые были сильно повреждены, и порой на пол вываливались какие-то брюки, платья, расколотые тарелки, вазы... И таких ящиков – сотни. Все они были повернуты к проходу обратными адресами, и возникало ощущение, что идёшь по еврейскому кладбищу, где на памятниках, кроме фамилии, почему-то ещё и адрес: Михаил Копельмахер – Таганрог, ул. Первомайская, 36, кв. 8; Ида Финкельштейн – Свердловск, просп. Победы, 49, кв. 30 и так далее. У нас даже слёзы появились на глазах, но тут в конце второй аллеи показался наш красавец. Он величественно возвышался над своими собратьями-развалюхами, скромно поблёскивая никелированными болтами.

На следующий день мы вернулись на склад на грузовике, и контейнер воссоединился со своими близнецами у Наны в гараже. Браслет был найден и передан маме, у которой в комнате уже стояли дедушкино кресло и швейная машинка «Кайзер».

Большинство вещей, включая трансформатор 220 на 127 вольт, наволочки и резинки для трусов, так и остались неиспользованными. А вот из контейнерных досок Нана сделала очень симпатичную стенку с полками и поставила в гараже. Всем нравится. Спасибо Кямалу ещё раз.

А начальник столярного цеха Мамедов может быть спокоен – изделием Бакинского радиозавода в Америке довольны.